

Д. С. Маркевич

младший научный сотрудник

Центра государственного строительства и права

ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБЪЕКТОВ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПРАВЕ

Аннотация. Появление новых объектов в цифровой экономике и их системное регулирование объективно требуют обращения к данным экономической науки, в которой также происходит системное осмысление природы рассматриваемых объектов. Исследуются ключевые особенности экономической природы объектов в цифровой экономике, которые лежат в основе изменения подходов к определению содержания правового режима. С учетом данных особенностей, а также некоторых тенденций, формирующихся в зарубежном праве, автор определяет дальнейшие направления развития частного и публичного права, которые могут быть использованы при последующей разработке подходов к решению проблем объектов правоотношений в цифровой среде в рамках отраслевых дисциплин.

Ключевые слова: объекты правоотношений, цифровая экономика, правовой режим, цифровые активы, виртуальное имущество, правовое регулирование экономики.

Введение. Развитие информационно-коммуникационных технологий, виртуализация объектов и содержания экономической деятельности породили проблему определения правового режима объектов в цифровой экономике, экономическая, технологическая и правовая природа которых нуждается в осмыслении и сопоставлении с традиционными объектами в гражданском праве. Так, отдельные аспекты правового регулирования создания и использования виртуальных объектов отражены в работах И. Л. Бачило, И. М. Рассолова, Д. В. Грибанова, А. А. Карцхия, Л. В. Санниковой, Ю. С. Харитоновой, В. В. Архипова, В. Б. Наумова, Т. Я. Хабриевой, Н. Н. Черногора, М. Н. Сатолиной, А. А. Иванова, А. И. Савельева и др. Исследования указанных авторов подтверждают точку зрения о том, что новые объекты правоотношений в сфере цифровой экономики не существуют в правовом вакууме, то есть на них распространяются отдельные правовые нормы, однако

в силу специфики отношений, возникающих в виртуальной среде, формируется потребность в корректировке действующего законодательства, а иногда и в разработке качественно нового подхода к регламентации общественных отношений в цифровой среде. Указанное и предопределило необходимость обобщения результатов исследований в рамках экономических и технических дисциплин, а также концептуализацию на теоретико-правовом уровне наиболее общих свойств объектов правоотношений в цифровой экономике.

Основная часть. В экономической теории имеются работы, где описываются отдельные свойства экономической природы объектов в цифровой экономике, а также проводится их классификация. Весьма распространенной является классификация Ю. М. Осипова, Т. Н. Юдиной, И. З. Гелисханова, выделивших информационно-цифровые блага, информационно-цифровой капитал, информационно-цифровую ренту в качестве объектов в цифровой экономике, в том числе раскрыли их особенности.

Информационно-цифровые блага представляют собой продукты, услуги, которые были получены посредством использования информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в рамках взаимодействия физической, цифровой и биологических сред. Такие блага могут иметь виртуальную, виртуально-физическую и физическую формы [1]. Более подробно данный признак раскрывают Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор, именуя его свойством субстанциональной процессуальности, которое заключается в возможности существования таких благ в искусственной «псевдосреде» в условиях работы программного и аппаратного обеспечения, а также человеческого мышления [2].

Согласно традиционному пониманию право ввиду формальности регулирования воздействует только на те явления, которые выражены вовне и прошли правовую объективацию. Причем виртуальные объекты, в отличие от материальных объектов реального мира, первоначально проходят символическую объективацию посредством программного кода, не нуждаясь в ином материальном воплощении. Этот код в результате правовой объективации фактически и рассматривается как объект или составная часть объекта права. Названное демонстрирует затруднительность для права,

рассчитанного на «мир вещей», регулировать отношения, складывающиеся в виртуальном мире.

В этом контексте заслуживает внимания концепция семантических пределов в праве В. В. Архипова, который применительно к предметам в виртуальной среде использует критерии реальности и серьезности, позволяющие определить случаи, когда правовое регулирование будет отвечать требованиям здравого смысла (соблюдены оба критерия) или когда оно будет абсурдным (оба критерия отсутствуют). Иные случаи подлежат рассмотрению с точки зрения моральных пределов права и ценностей, принятых в обществе, причем, помимо функционального соответствия центральному значению слова, оценке подлежит феномен «социально-валютной ценности» предметов в виртуальной среде. Социально-валютная ценность может определяться наличием у предмета коммуникативного значения, а также конвертируемостью данного коммуникативного значения в произвольный обобщенный символический посредник. В качестве примера последнего зачастую приводятся деньги и политическая власть, отсюда автором уделяется значительное внимание свойству коммодификации таких предметов, поскольку, если он может быть теоретически коммодифицирован, следовательно, может регулироваться правом. Таким образом могут быть оценены высказывания, публикуемые на различных интернет-ресурсах, виртуальное имущество в играх и ряд других феноменов, относящихся к виртуальному миру [3, с. 316–320].

Кроме указанных выше, можно выделить следующие свойства информационно-цифровых благ:

– физические, к которым относятся неразрушимость, воспроизводимость и заменяемость, поскольку такие объекты легко копировать без дополнительных затрат, высокий темп морального износа, который во много раз опережает физическую амортизацию;

– пространственные/временные, например усиление конкуренции;

– условные, например существование в реальном времени или почти в реальном времени, наличие сетевых внешних эффектов [4].

Кроме того, при характеристике данных объектов существенное значение имеют режим доставки, наличие пробной

версии, детализация, то есть возможность разделить данный продукт [4], наличие доступа к необходимой инфраструктуре, а также обладание базовыми навыками по ее эксплуатации. Наконец, информационно-цифровые блага отличает сложная процедура ценообразования, принимающая дифференцированные формы, из-за чего ценность информационных товаров варьируется, а стратегии ценообразования могут быть нестабильными.

Отсюда возникает необходимость защиты потребителя от мгновенной и/или индивидуализированной ценовой дискриминации, которая становится возможной благодаря усовершенствованию алгоритмов, работающих с большими массивами информации о том или ином потребителе. Также некоторые товары в цифровой экономике принято относить к опытным, что означает формирование ценности для потребителя исходя из опыта использования данного объекта, их цена практически не связана с их универсальной ценностью, а отражает ценность ситуационную, которая индивидуальна для конкретного субъекта.

Существующие правовые системы стоят перед необходимостью перенастройки отдельных норм с учетом данных особенностей. Так, в рамках ЕС формируется подход по защите прав и законных интересов участников гражданско-правовых отношений по поводу некоторых объектов права в цифровой экономике. В частности, были приняты Директива об отдельных аспектах, касающихся контрактов на поставку цифрового контента и цифровых услуг (далее – Директива о цифровом контенте), а также Директива по некоторым аспектам, касающимся контрактов купли-продажи товаров, и о внесении поправок в Регламент (ЕС) 2017/2394 и Директиву 2009/22 / ЕС, а также об отмене Директивы 1999/44/ЕС. Обе директивы основаны на принципе максимальной гармонизации, то есть государства-члены не могут отклоняться от требований, содержащихся в указанных актах, однако по некоторым вопросам страны ЕС смогут выйти за пределы установленных требований, в том числе для реализации мер, определенных на национальном уровне. Ключевым в применении данных актов является понимание категории товаров с цифровым компонентом, к которым относятся любые материальные движимые предметы, включающие в себя цифровой

контент (цифровую услугу) либо связанные с ними таким образом, что отсутствие этого цифрового контента (цифровой услуги) помешало бы товарам выполнять свои функции [5]. Названные акты должны прежде всего обеспечить защиту прав потребителей цифровых услуг и товаров с цифровым компонентом (например, умные холодильники), а также снизить транзакционные издержки производителей, связанные с правовой неопределенностью и необходимостью адаптации имеющихся контрактов к требованиям, существующим на уровне национального законодательства каждого из государств – членов ЕС.

Одной из основных проблем директив является то, что интересы защиты прав потребителей применительно к цифровому контенту также находятся в плоскости авторского и смежных прав, а определение границ договорного и исключительного права становится чрезвычайно актуальным для применения рассмотренных актов. Так, на практике ограничения прав потребителя могут возникать из лицензионного соглашения, в соответствии с которым цифровой контент или цифровые услуги предоставляются потребителю с определенными условиями и изъятиями, которые продавец не в состоянии устранить, что порождает состояние правовой неопределенности и рисков нарушения субъективных прав. В основе ее решения должно лежать определение справедливого баланса интересов не только продавца и потребителя, а также правообладателя, исключительные права которого подлежат согласованию в соответствии с принципом направленности на инновационное и научно-культурное развитие и не должны приводить к необоснованному ограничению прав и законных интересов иных участников отношений по поводу цифровых объектов.

Кроме того, сформировалась объективная потребность по изменению регулирования электронной коммерции в ЕС, на что направлены положения проекта Регламента о едином рынке цифровых услуг (Регламент о цифровых услугах) и поправках к Директиве 2000/31 / ЕС COM / 2020/825, предусматривающего дополнительные обязательства для поставщиков цифровых услуг, инструменты, направленные на борьбу с незаконным контентом, и др.

Таким образом, в качестве объектов правоотношений с особым правовым режимом следует рассматривать цифровые

услуги и товары с цифровым компонентом, отличительные свойства которых заключаются в их технико-экономической природе. Наиболее общими по отношению к рассматриваемым понятиям будут категории виртуального имущества или цифровых активов, которые охватывают любые предметы и явления виртуального мира, обладающие потребительскими свойствами, создаваемые и поддающиеся визуализации, фиксации и хранению в программном обеспечении электронно-вычислительных машин. Наличие физических, пространственных, условных и иных свойств обуславливает ряд правовых вопросов, связанных с установлением пределов правового регулирования, определением границ договорного и исключительного права, пересмотра концептуальных положений права частной собственности и наследственного права, механизмов защиты прав потребителей, а также с определением создателя виртуальной вещи, распределением ответственности в случае причинения вреда в связи с ее использованием.

Следующим видом активов в цифровой экономике принято считать информационно-цифровой капитал, который составляют массивы разноформатных данных (в том числе и персональных данных пользователей). Как и информационно-цифровые блага, данный объект обладает следующими специфическими свойствами: является неконкурентным, может производиться и распределяться при относительно небольших издержках. Выделяются в структуре цифрового капитала традиционные активы, например серверы, базовое программное обеспечение и др., а также нематериальные активы, к которым также относятся новые бизнес-модели, роялти и др. В отличие от первой группы объектов, экономическая природа информационно-цифрового капитала характеризуется тем, что последний является одним из важнейших факторов конкурентоспособности и развития цифровой экономики в целом.

В западных странах большое внимание уделяется определению правовых предписаний, одновременно способствующих развитию ИКТ-сектора и обеспечивающих защиту наиболее уязвимых видов данных, прежде всего персональных данных пользователей. Однако при выработке политики в данной области большее внимание уделяется количествен-

ным оценкам, к примеру принцип «готовность платить» или «готовность принять компенсацию» используется при оценках инициатив регулирования на рынке персональных данных [6], что, на наш взгляд, является недопустимым. Эффективная защита персональных данных должна осуществляться как государственными, так и частными структурами вне зависимости от страны, а также от того, как высоко оценивают свои данные пользователи. В противном случае это приведет к расширению коммодификации личной информации, что является недопустимым для правового государства. Конечно, существующее регулирование в отношении персональных данных должно быть обоснованным, разумным, а также оптимальным, что означает недопустимость введения чрезмерных или недостаточных регулирующих норм.

Еще одной группой данных, от успешной регламентации использования которой зависит дальнейшее развитие цифровой экономики, являются большие данные (big data), которые определяются не объемом содержащейся информации в базе, а представляют скорее методы, инструменты распределенной обработки структурированной и неструктурированной информации. Близкой по содержанию с рассматриваемым понятием является концепция открытых данных (open data), согласно которой определенные данные должны быть представлены индивидуально неопределенному кругу лиц в машиночитаемой форме с целью их дальнейшего использования без ограничений права интеллектуальной собственности. Частью открытых данных являются открытые данные государства, к которым относятся данные государственных и ведомственных информационных систем.

Размещение открытых государственных данных имеет ряд преимуществ и позволит повысить прозрачность деятельности правительства; будет способствовать развитию гражданского общества, в котором граждане в режиме реального времени смогут контролировать деятельность должностных лиц государственных органов; обеспечит формирование рынка программных услуг, основывающихся на больших данных; позволит экономить бюджетные средства при разработке общественно полезных сервисов; создаст дополнительные условия для более эффективного взаимодействия правительства и граждан и т. д. [7]. При этом несомненным преимуще-

ством будет также и то, что их производство и использование осуществляются при сравнительно низких издержках.

Тем не менее, рассматривая данную технологию, нельзя не отметить и ее недостатки. В частности, одной из основных проблем использования открытых государственных данных является отсутствие какого-либо единого стандарта оценки качества наборов открытых данных, что может привести к разрастанию массивов информации, которая впоследствии окажется невостребованной [8]. В свою очередь, государство будет тратить большое число бюджетных средств на поддержание дата-центров, количество которых будет только возрастать. Решением названной проблемы может стать лишь разработка национального стандарта оценки качества наборов открытых данных государства по примеру модели «5 звезд», разработанной Тимом Бернерс-Ли, где одной звездой могут быть отмечены любые хранилища с данными, а пять звезд получают те базы данных, которые имеют структурные связи с другими данными. Указанное означает необходимость дальнейшего повышения активности в части регламентации процессов обработки и хранения данных, в том числе высоких технических стандартов в данной области, а также активизации работы в рамках Национального портала открытых данных (data.gov.by). На сегодняшний день там содержится 101 набор данных, из них 40 – в сфере экономики, 12 – в сфере государственного управления, 4 – государственных услуг и т. д. При этом для сравнения: в Российской Федерации – 24 188 наборов данных, в Украине – 38 967, в Казахстане – 3933, в Кыргызстане – 646 и др.

В результате использования информационно-цифрового капитала формируется еще одна группа активов в цифровой экономике – информационно-цифровая рента, представляющая собой частный случай технологической квазиренды, что означает ее временный характер, связь со сменой фаз технико-экономических циклов. Кроме того, такая рента основывается частично на концентрации патентов и на институциональной неопределенности ситуации, это гарантирует сверхприбыль ее получателям, которыми, как правило, выступают собственники высокотехнологичных компаний [1]. Сверхприбыль во многом образуется в условиях распределения издержек при создании информационно-цифровых благ: трансформационные издержки, то есть затраты на физическое изготовление товара, зачастую ниже, чем расходы, связанные

с обработкой информации, то есть транзакционные издержки. Тем самым происходит обесценивание труда, сопровождающееся переносом производств в развивающиеся страны. Для ограничения тенденции к накоплению сверхприбыли одним из инструментов следует рассматривать установление повышенной налоговой ставки в отношении цифровых рантье, под которыми могут пониматься как сами цифровые компании, так и их акционеры, получающие дивиденды в результате деятельности последних. Позитивно в этом контексте следует рассматривать переговорный процесс в рамках ОЭСР по Заявлению о двухкомпонентном решении налоговых проблем, возникающих в результате цифровизации экономики (Pillar 1, 2), ориентированному на создание новых правил распределения прибыли и ограничения конкуренции юрисдикций в части налога на прибыль посредством установления глобальной минимальной ставки корпоративного налога, к которому присоединились более 136 стран, в том числе и Республика Беларусь.

Заключение. Таким образом, большинство объектов в цифровой среде имеют сложную природу, обусловленную особенностями используемых технологий, влияющих на экономическое содержание отношений. В экономической науке объекты правоотношений в цифровой среде рассматриваются с точки зрения выделения информационно-цифровых благ, информационно-цифрового капитала, а также информационно-цифровой ренты, которые обладают набором уникальных характеристик, свойственных виртуальному пространству, в котором осуществляется их оборот. При этом новые бизнес-модели в цифровой экономике позволяют объединять информационное содержание и материальную поддержку продукта, из-за чего размываются границы между товаром и услугой, а ряд товаров реального мира при интеграции с ИКТ значительно меняют свои потребительские свойства. Такие свойства, как виртуальность, субстанциональная процессуальность, физические, пространственные, временные и универсальные характеристики, а также необходимость доступа к определенной инфраструктуре и обладания базовыми навыками по ее эксплуатации и другие, с неизбежностью влекут необходимость трансформации правового режима благ в цифровой экономике, что требует соответствующего отражения в праве. В результате в качестве объектов права с особым правовым режимом начинают рассматриваться

виртуальное имущество или цифровые активы, товары с цифровым компонентом и другие, которые стирают границы между договорным и обязательственным правом, а также правом интеллектуальной собственности.

С точки зрения частного права предстоит решить ряд проблем, в том числе определить границы договорного и исключительного права, пересмотреть некоторые концептуальные положения права частной собственности и наследственного права, разработать дополнительные механизмы защиты прав потребителей, а также предусмотреть основания и механизмы распределения ответственности в случае причинения вреда в результате использования цифровых объектов.

При этом важным условием введения в гражданский оборот данных объектов является последовательное изменение норм публичного права, в особенности налогового права, для сдерживания тенденций к накоплению сверхприбыли. В этом контексте также важен пересмотр положений информационного законодательства, в котором следует уделять пристальное внимание институту персональных данных, особенно вопросам их защиты, а также открытых данных, больших данных, закрепив за последними двумя правовой режим общедоступной информации.

Список использованных источников

1. Осипов, Ю. М. Информационно-цифровая экономика: концепт, основные параметры и механизмы реализации [Электронный ресурс] / Ю. М. Осипов, Т. Н. Юдина, И. З. Гелисханов // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 6. Экономика. – 2019. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-tsifrovaya-ekonomika-kontsept-osnovnyye-parametry-i-mehanizmy-realizatsii>. – Дата доступа: 18.10.2021.

2. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности [Электронный ресурс] / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Науч. б-ка «КиберЛенинка» / ООО «Итеос», 2019. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-usloviyah-tsifrovoy-realnosti>. – Дата доступа: 15.07.2021.

3. Архипов, В. В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В. В. Архипов. – СПб., 2019. – 425 с.

4. Chang, W.-L. An overview of information goods pricing [Electronic resource] / Soe-Tsyur Yuan, Wei-Lun Chang // Int. J. Electronic Business. – Vol. 5. – № 3. – 2007. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/220300276_An_overview_of_information_goods_pricing. – Date of access: 18.10.2021.

5. Directive (EU) 2019/770 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2019 on certain aspects concerning contracts for the supply of digital content and digital services [Electronic resource] / European Union, 2021. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32019L0770>. – Date of access: 18.10.2021.

6. Prince, J. How much is privacy worth around the world and across platforms [Electronic resource] / J. Prince, S. Wallsten // TECHNOLOGY POLICY INSTITUTE, 2020. – Mode of access: https://techpolicyinstitute.org/wp-content/uploads/2020/02/Prince_Wallsten_How-Much-is-Privacy-Worth-Around-the-World-and-Across-Platforms.pdf. – Date of access: 01.06.2020.

7. Шапкина, Ю. Открытые данные как фактор успешного развития электронного правительства [Электронный ресурс] / Ю. Шапкина // М-во связи и информатизации Респ. Беларусь. – 2018. – Режим доступа: http://www.mpt.gov.by/sites/default/files/otkrytye_dannye_kak_faktor_uspeshnogo_razvitiya_elektronnogo_pravitelstva.pdf. – Дата доступа: 20.04.2018.

8. Ведута, Е. Н. Цифровая экономика как инструмент глобализации [Электронный ресурс] / Е. Н. Ведута // BRICS Alliance. – 2018. – Режим доступа: <http://iabrics.org/page1449476.html>. – Дата доступа: 20.04.2018.

19.10.2021

D. S. Markevich

Junior Researcher, Center of State Building and Law,
State Scientific Institution «Institute of Economics
of the National Academy of Sciences of Belarus»

ECONOMIC NATURE OF OBJECTS IN THE DIGITAL ECONOMY AND ITS REFLECTION IN LAW

Abstract. The emergence of new objects in the digital economy and their systemic regulation objectively requires an appeal to the data of economic science, in which a systematic understanding of the nature of objects in the digital sphere also takes place. The article examines the key features of the economic nature of objects in the digital economy, which underlie the change in approaches to determining the content of the legal regime. Certain types of objects in the digital sphere are analyzed, and the most pressing problems associated with their use are highlighted. Taking into account the content of these features, as well as some trends emerging in foreign law, the author determines further directions for the development of private and public law, which can be used in the further development of the problem of objects of legal relations in the digital environment within the framework of brunch disciplines.

Key words: objects of legal relations, digital economy, legal regime, digital assets, virtual property, legal regulation of the economy.